

Все вокруг твердили, что столица — это единственная чистая земля, так почему же они кончили так?

Они умерли с открытыми от ужаса глазами!

Увидев столь кровавую и жестокую сцену, Сюй Минъюэ долго-долго стояла в оцепенении, чувствуя, что в горле застрял ком и не может вырваться ни звука, судорожно вцепившись в рукав, с бледным лицом. Казалось, на этот миг время замерло, желудок скрутило от подступившей тошноты, и её чуть не вырвало.

Чу Хуайчжи не услышал её голоса, наконец понял, что что-то не так, повернулся к ней и увидел, что лицо у неё ужасно бледное.

— Сюй Минъюэ? Сюй Минъюэ?

Он окликнул её дважды, Сюй Минъюэ повернулась к нему, шевельнула губами, а в следующее мгновение в глазах у неё потемнело, и она потеряла сознание!

Чу Хуайчжи подхватил её, нахмурившись:

— Что с тобой? Сюй Минъюэ? Позовите лекаря! Скорее позовите императорского лекаря!

Повозка помчалась быстрее, увозя их обратно во дворец.

В покоях Лохуа, закончив пульсовую диагностику, лекарь доложил:

— Полина Сюй Цзеюй ничем серьезно не больна, судя по всему, ци и кровь пришли в беспорядок из-за переживаний, гнева и испуга.

Чу Хуайчжи сузил глаза и гневно произнес:

— Она даже в прошлый раз не упала в обморок, увидев столько крови, с чего бы ей теперь пугаться и гневаться? Несешь чушь, или я снесу твою голову.

Лекарь до смерти испугался, тут же рухнул на колени и с жалким видом начал бить челом, признавая вину.

Сюй Минъюэ сочла, что изображать обморок уже достаточно и нельзя больше подставлять других, поэтому изображала крайнюю слабость и медленно приоткрыла глаза.

Стоило ей их открыть, как она увидела гладкое лицо Чу Хуайчжи.

— Ваше Величество...

Этот голос вернул Чу Хуайчжи из раздумий. Оглянувшись и заметив, что она очнулась, он почувствовал прилив радости, которой сам от себя не ожидал:

— Ты наконец очнулась! Я так и знал, что этот дурак несет чушь. Эй, отведите его...

Сюй Миньюэ торопливо остановила его:

— Наложница уже слышала то, что было сказано только что.

Чу Хуайчжи с недоумением посмотрел на нее, а она добавила:

— Наложница действительно потеряла сознание от того, что сильно испугалась.

Чу Хуайчжи задумался, а мгновение спустя зыркнул на лекаря:

— Еще не убираешься вон? Ступай составлять для нее лекарство.

Лекарь был готов расплакаться от счастья и, рассыпаясь в тысячах благодарностей, покинул покои.

Когда в зале остались только они двое, император решил немного допросить ее с пристрастием:

— Ну убил пару человек, чего тут бояться?

Страх — это еще полбеды, было еще и тягостное уныние, ведь сегодня она сама предложила выехать из дворца. Она никак не ожидала, что Чу Хуайчжи станет убивать прямо посреди улицы, да еще скольких! Помешать ему она не могла, поэтому оставалось лишь придумать способ поскорее вернуться.

Хорошо хоть теперь она занимала какое-то место в его сердце.

— Но для наложницы убийство — это то, чего совершать нельзя. Ни раньше, ни теперь.

Чу Хуайчжи на мгновение замолчал, будто обдумывая ее слова.

Воспользовавшись моментом, она дважды кашлянула. Он опомнился и бесцеремонно дернул ее за одеяло:

— Раз тело не в порядке, лежи. Я возвращаюсь во дворец.

Он ничего не пообещал, но по его выражению лица было видно, как он раздражен.

Сюй Миньюэ понимала: он разрывается в сомнениях. И это хороший знак — по крайней мере, ради нее он начал задумываться о собственных поступках.

Замечательно! Неужели это и есть тот самый способ обращения с белым лунным светом? Спасти злодея и взойти на вершину жизни!

Погодите-ка... Но ведь он убил столько людей! Неужели после обеления его репутации жизни тех людей перестали иметь значение?

Сюй Миньюэ мысленно выругала систему за ее искаженные ценности: почему нужно было выбирать для обольщения именно такого человека?

Шагая по толстому ковру опавших листьев во дворе, Чу Хуайчжи застыл, ошеломленно глядя на собственные руки. Когда Сюй Миньюэ упала в его объятия, его сердце на секунду пропустило удар.

Он признавал, что Сюй Миньюэ больше ему не неприятна.

Содержать во дворце такую красивую особу не так уж и разорительно.

При этой мысли он сосредоточенно опустил руки: пока Сюй Миньюэ не пытается сбежать, он готов ее терпеть.

— Эй, усильте охрану в покоях Лохуа, как следует заботьтесь о Цзеюй.

[Уровень благосклонности +5]

Несколько дней Сюй Миньюэ отлеживалась, а дары от Чу Хуайчжи всё прибывали и прибывали в покои Лохуа, так что прежде унылый и безлюдный двор постепенно ожил.

Правда, другие обитательницы гарема приходили с поздравлениями не спешили.

В зале Сычэнь министры вновь обсуждали государственные дела.

Когда зашла речь о том, что Хуа Циньюй во главе войска прорвал кольцо окружения и теперь штурмует следующий город, Чу Хуайчжи в ярости разбил стеклянную вазу.

Один из министров произнес:

— Боюсь, в нынешней ситуации остается лишь отправить в поход защищающего столицу генерала, охраняющего границы.

Чу Хуайчжи не раздумывал ни секунды:

— Пусть выступает! Обязательно принесет мне голову Хуа Цинъюй! А иначе пусть и не возвращается вовсе!

Сюй Минъюэ сидела на кровати с книгой и продолжала размышлять над этим вопросом, когда раздавшийся снаружи окрик «Император пожаловал!» прервал ее мысли.

Она еще не успела встать, чтобы поприветствовать его, как Чу Хуайчжи уже вошел и уселся на край ее постели:

— Почему до сих пор не встала?

Сюй Минъюэ почувствовала себя несколько растерянной:

— Ваше Величество, наложница еще не выздоровела.

Выражение его лица стало недовольным — то ли он не верил, то ли больше не мог сдерживаться, — и он принялся стаскивать с нее одеяло:

— Столько дней уже отлеживаешься, у тебя же не ранение, почему никак не поправишься?

При этом его руки начали вести себя вольготно.

Уголок глаза Сюй Минъюэ дернулся: ей до безумия хотелось вышвырнуть вон этого мыслителя, у которого всё соображение сосредоточено исключительно в нижней части туловища.

Она перехватила его горячую руку, пресекая дальнейшие вольности:

— Ну раз Ваше Величество говорит так, наложница пойдет прогуляться на свежий воздух.

Он попытался придавить ее к постели:

— Куда это ты собралась?

Сюй Миньюэ сделала вид, что ничего не понимает:

— Наложница уже давно не грелась на солнышке, выйти самое время. Не пожелает ли Ваше Величество составить мне компанию?

Чу Хуайчжи подумал, что если бы он выбирал между тем, чтобы уложить женщину в постель, и прогулкой, то поступил бы как круглый дурак. Но стоило Сюй Миньюэ посмотреть на него своими ясными глазами, как все слова застряли у него в горле.

— Ты приглашаешь меня?

Она опустила взгляд:

— Если Ваше Величество не желает, то не нужно, наложница пойдет одна.

Она собралась свесить ноги с постели, но Чу Хуайчжи протянул руки, подхватил ее на руки и изогнул бровь:

— Раз уж Цзеюй сама заговорила об этом, то если я откажу, ты ведь наверняка опечалишься и погрузишься в тоску.

Какая еще тоска, с чего он вообще такой самовлюбленный!

Они шли бок о бок по длинной дворцовой улице. Сперва Чу Хуайчжи хотел заявить, что наложницы недостойны идти рядом с императором, но, заметив ее сияющие глаза, промолчал.

Она что, и правда так счастлива от того, что он сопровождает ее?

А ведь еще утверждала, будто не хочет быть его женщиной. До смерти смешно, а в итоге всё равно пала к его ногам.

Раз уж она так счастлива, он может проявить милосердие и осчастливить ее еще больше.

Подумав так, он взял ее за руку и почувствовал, как Сюй Миньюэ заметно напряглась.

Чу Хуайчжи (хмыкнув про себя): Хм, небось в душе не знает, как и возблагодарить меня со слезами на глазах.

Сюй Миньюэ (про себя): Твою мать, да перестань ты меня трогать, а-а-а!

Стараясь не привлекать внимания, она попыталась вытащить руку.

Чу Хуайчжи (подумав): Еще и стесняется, ну до чего же застенчивая женщина!

Сюй Минъюэ было любопытно абсолютно всё во дворце. Прогулявшись какое-то время, она неожиданно обнаружила, что ей не встретилось ни единой побочной жены или наложницы. Это казалось странным: с характером Чу Хуайчжи у него наверняка должно быть три тысячи красавиц в гареме.

Неужели эти женщины вообще никогда не выходят из покоев? Спросить она не смела, да и боялась.

— Почему в это время года цветут хризантемы? — с недоумением спросила она, глядя на буйно распустившиеся цветы.

Император с изрядной долей гордости сорвал один цветок и растер его в пальцах:

— Стоит мне чего-то захотеть, как это тут же оказывается у меня. Даже если те люди не хотят отдавать, им все равно придется принести это сюда.

<http://bllate.org/book/18796/1826758>